

G.R.S. Mead

Дж.Р.С. Мид

Относительно Е.П.Б.

Случайные мысли о теософии

[Впервые опубликовано в «Теософском обозрении» (Лондон),

15 апреля 1904 г., стр. 131-144; также перепечатано в виде брошюры

Теософским издательством, Адьяр, Мадрас, Индия, 1920 г. 22 стр.]

Я (Мудрость) люблю тех, кто любит меня. - Прит. VIII, 17.

Там, где есть тайна, обычно предполагается,

что там должно быть и зло. - Байрон.

Давайте на несколько минут обратим наши мысли к женщине, без которой, по всей вероятности, не было бы современного теософского движения в том виде, в каком мы его понимаем. Давайте вкратце рассмотрим грубый и нелепый вопрос: «Вы верите в Блаватскую?»

Мне этот вопрос кажется странным, даже, если можно так выразиться, вульгарным. «Блаватская?» Никто из тех, кто её знал, не знал её такой. Даже для своих врагов, пока она была жива, она была мадам Блаватской или, по крайней мере, Е.П. Блаватской; в то время как для своих друзей и любовников она была Еленой Петровной, или Е.П.Б., или "Старой леди", что однажды дало повод для милой остроты одного друга, который лукаво заметил, что было бы неловко, если бы мадам была месье.

Когда же нам задают такой бескомпромиссный вопрос, как этот, как мы можем ответить на него совершенно честно, если, как в случае с большинством из нас, изучавших предмет, мы отказываемся принять либо невежественную позицию слепого предубеждения, которое думает, что оно дает непогрешимый ответ, выкрикивая попугайский клич "обманщик", либо, на мой взгляд, еще более невежественный взгляд слепой доверчивости, который когда-то пытался выставить напоказ наши теософские улицы, провозглашая Бандар-лог мантру "Е.П.Б. говорит" как универсальную панацею от всех болезней и решение всех проблем - разновидность аберрации, которая, я рад сообщить, давно перестала нас беспокоить?

На этот вопрос единственное, что может ответить подавляющее большинство наших современников, — это, пожалуй, что-то вроде следующего: мы никогда не были лично знакомы с мадам Блаватской, и теперь, по прошествии стольких лет, перед лицом абсолютно противоречивых утверждений о ней, сделанных её друзьями и врагами, не стоит ожидать, что мы сможем авторитетно высказаться по проблеме, которая поставила в тупик даже её самых близких друзей, или разгадать загадку, столь же таинственную, как и загадка древнего Сфинкса. Что мы знаем, так это то, что, несмотря на всё, что люди говорили против этой женщины, подвергавшейся жестоким нападкам на протяжении четверти века, основы теософии остаются неизменными по той простой причине, что они полностью независимы от мадам Блаватской. Нас интересует теософия, и она останется незыблемой опорой, источником силы и утешения, неисчерпаемым источником знаний, самым благородным из всех поисков и самым желанным путём, по которому мы могли бы пойти, даже если бы было возможно, чего нет, окончательно доказать, что Е.П.Блаватская была самым хитрым обманщиком и самым отъявленным шарлатаном всех времён.

Ведь даже самый блудный из сыновей может вспомнить смутные — нет, даже яркие — воспоминания о великолепии отцовского дома; его рассказ не обязательно должен быть ложным, потому что он в изгнании, питается со «свиньями» и стал таким же, как они. Возможно, он случайно съел «молюску»; возможно, к нему возвращаются воспоминания о доме. Нет, в данном случае оно вернулось, хотя и, казалось бы, в хаотичной спешке, но на самом деле — и это самое важное во всём этом деле — оно пробудило те же воспоминания у многих из нас, его собратьев-изгнанников, которые благословляют его за эту историю — настоящий «миф», — которую он рассказал.

На все это и многое другое могут ответить даже самые осторожные из нас, и поэтому свидетельство Е. П. Б. о ней самой, о "воспоминаниях", скрытых в ее книгах, о воспоминаниях, которые не может знать никто, кроме знающих, противоречит, с одной стороны, недостаткам их учености - ибо она не была ученым и никогда не претендовала на звание таковой, факт, который делает ее работу более экстраординарной, чем помогает прояснить проблему, - и, с другой стороны, враждебному отчету двадцатилетней давности о памяти общества, которое сейчас является выдающимся, но тогда находилось в зачаточном состоянии. На самом деле загадка гепатита В до смешного далека от того, чтобы быть такой простой, как хотелось бы пылким сторонникам этой крайне односторонней точки зрения.

Загадка Е. П. Б. неразрешима даже для тех, кто был с ней наиболее близок, в чём каждый может убедиться, прочитав объективный рассказ о ней, написанный её коллегой по работе Г. С. Олькоттом в его «Старых дневниковых заметках». Никто ни в коем случае не дал столь правдивого портрета Е.П.Б. в ее обычной повседневной жизни, как наш Президент-Основатель; это рассказ о предельной честности, ничего не скрывающий, ничего не приукрашивающий, но рисующий смелыми мазками картину этого, на мой взгляд, самого по-человечески привлекательного клубка необъяснимых противоречий; этой озадачивающей смеси мудрости и безумия; этого сфинкса, одетого в пестрое; этой успешной пионерки истинно духовного движения (которая, однако, была, по всей видимости, наименее приспособлена для начала подобных усилий из-за своего почти озорного восторга не только от нарушая табу общепринятого мышления, но также сводя на нет каноны поведения, которые традиция определила как внешние и видимые признаки духовного учителя); эта частая причина отчаяния даже для ее лучших друзей, и все же, несмотря на ее полную непонятливость, самое обаятельное из созданий.

Что касается меня, то, когда я сталкиваюсь с пресловутым отчётом S.P.R. — хотя, должен признаться, в наши дни я редко что-либо о нём слышу, — у меня есть очень простой ответ, и он примерно таков. Вы, кто верит в отчёт S.P.R., говорите, что мадам Блаватская была мошенницей. Вы не знали её лично, как и Комитет, принявший отчёт. Даже самому исследователю пришлось получать данные, на которых он основывал свою теорию, от других людей, когда он приехал в Мадрас. Таким образом, в лучшем случае всё это — из вторых рук; даже сам исследователь ничего не видел своими глазами. Как и исследователь, и как вы, кто верит в его теорию, я тоже не был там; поэтому у меня нет возможности судить из первых рук. Я могу лишь привести очень убедительные письменные показания и ещё более убедительные устные свидетельства её друзей, которые присутствовали при этом, в защиту Е.П.Б. против обвинений двух уволенных сотрудников, принятых на работу миссионерами, а затем одобренных S.P.R. исследователь, который в то время, по-видимому, не был лично знаком с простейшими психическими явлениями и чувствовал себя обязанным рассмотреть все возможные гипотезы о мошенничестве, даже самые абсурдные, прежде чем подвергнуть мадам Блаватскую хоть малейшему сомнению.

Однако с тех пор в общем мнении S.P.R. в отношении психических явлений произошли такие изменения, а сам доктор Ходжсон настолько кардинально изменил свою позицию благодаря полученному им теперь уже зрелому опыту, что не будет большим отходом от беспристрастного суждения, если мы предположим, что неопытные гипотезы доктора Ходжсона в отношении мадам Свидетельства Блаватской не могут быть поставлены в один ряд с многочисленными годами свидетельств в её пользу, которые давали её друзья во всех странах.

О, но — кто-то скажет под влиянием этого печально известного отчёта — все они были обмануты, загипнотизированы. Судя по доказательствам, ей помогали многие умелые сообщники по всему миру; это была продуманная система обмана.

Это действительно основная часть гипотез, выдвинутых в этом отчёте; во всех случаях — сообщники, потайные двери и т. д., гипноз. Что угодно, всё, что угодно, но не признание того, что Е.П.Б. хоть раз была обычной спиритической медиумом! Нет, она должна быть доказана даже в этом — во всех отношениях она была отъявленной мошенницей. Даже беспристрастный сторонний наблюдатель, должно быть, склонен воскликнуть: «Surtout pas trop de zele, Messieurs les Inquisiteurs!» Мы на протяжении всего повествования рисовали перед собой картину не чего иного, как хитроумной престижизитации с тщательной подготовкой и тщательно спланированными сюрпризами, которые устраивали проникательные сообщники. Это правда, что этих сообщников так и не привлекли к суду; они растворились в воздухе. Действительно, они существуют, и не в переносном смысле; или, скорее, они никогда не существовали нигде, кроме как в невидимом мире, ведь не Е. П. Б. ли называл их элементами?

Как бы то ни было, я, со своей стороны, при изучении вопроса предпочитаю свидетельства из первых рук. Поэтому, в отличие от тех, кто поддерживает и верит в этот отчёт, я, так сказать, никогда не покидал её; я работал с ней в тесном контакте, был её личным секретарём. Картина, которую отчёт рисует о Е. П. Б., категорически противоречит всему моему личному опыту общения с ней, и поэтому я не могу её принять.

Я отправился к ней после публикации отчёта, три года спустя, когда шум ещё не утих, а подозрения витали в воздухе; ведь широкая публика того времени, веря в невозможность всех психических явлений, естественно, осудила Е. П. Б. без каких-либо расследований. Я отправился к ней, точно зная содержание отчёта и все его тщательно продуманные гипотезы; иначе и быть не могло. Но всего несколько месяцев знакомства с Е.П.Б. убедили меня в том, что недостатки её характера были таковы, что она не смогла бы повернуть тщательно спланированное мошенничество, даже если бы захотела, и уж тем более не смогла бы осуществить изощрённую схему обмана, основанную на манипуляциях с механическими устройствами и помощи хитрых сообщников.

Она часто говорила глупости и, если злилась, могла выпалить всё, что приходило ей в голову, независимо от того, кто был рядом. Казалось, ей было всё равно, что о ней подумают, и иногда она обвиняла себя во всевозможных грехах и проступках, но никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в самых буйных своих настроениях, она не произнесла ни слова, которое хоть как-то подтверждало домыслы и обвинения доктора Ходжсона.

Я сам убеждён, что если бы она была виновна в том, в чём её обвиняли, то в какой-нибудь из своих частых вспышек гнева или откровений она не преминула бы обронить какое-нибудь слово или намёк, изобличающие её. Во всём хаосе её мироощущения в любом настроении неизменно присутствовали две вещи: что её Учителя существуют и что она не изменяла.

Но непримиримые скажут: «О, она была слишком хитра для тебя; к тому же она околдовала тебя».

Несогласные, конечно, имеют право говорить всё, что им вздумается; гораздо легче казаться мудрым на расстоянии и представлять себе вещи такими, какими хотелось бы их видеть, чем пытаться, как это делал я, решить реальную проблему, которая ежедневно была у меня перед глазами в течение трёх с лишним лет, а также ещё более сложную проблему, изложенную в огромном литературном труде, каждую страницу которого я прочёл и многие, из которых мне так или иначе пришлось редактировать. Однако то, что всегда служило для меня личным доказательством добропорядочности Х.П.Б., — это чисто объективная вещь, которую нельзя объяснить, нетерпеливо выбросив её в корзину с психологической макулатурой.

По всем признакам, насколько это было возможно, я приступил к работе с Е.П.Б. как совершенно неопытный сотрудник. Я мог быть тайным эмиссаром врага, поскольку, насколько мне было известно, за ней многие шпионили. В любом случае, если бы она была мошенницей, она должна была понимать, что допускать неопытного человека в своё ближайшее окружение — очень опасный эксперимент. Однако она не только сделала это, но и ошеломила меня своей искренней доверительностью. Она передала мне все свои ключи, рукописи, письменный стол и ящики, в которых хранила самые личные бумаги; более того, она не только отказалась от того, чтобы её беспокоили во время работы, но и заставила меня взять на себя её обширную корреспонденцию, не открывая её самой. Она не только метафорически, но и в прямом смысле швыряла оскорбительные послания мне в лицо! Поэтому мне часто приходилось вскрывать все её письма и не только читать их, но и отвечать на них, как можно лучше, потому что эта странная старушка громко кричала, что хочет избавиться от бремени переписки, чтобы писать свои статьи и книги, и приходила в ярость и выгоняла меня всякий раз, когда я приставал к ней с просьбой ответить на самые срочные письма или хотя бы подсказать, что отвечать от её имени.

Я не говорю, что это правильно со стороны женщины, которая каждый день получала большое количество писем, некоторые из которых — многие из них — содержали самые сокровенные мысли мужчин и женщин со всего мира, открывая читателю интимные подробности их внутренней жизни. (1)

Таким образом, чтобы доверить их молодому человеку, сравнительно неопытному в жизни и почти совершенно неспособному с ними справиться, нужно было каждое утро, так сказать, встречать льва в его логове — а Старушка была львицей — и упорно демонстрировать самую важную из этой переписки на глазах у Е.П.Б., к её всё возрастающему раздражению и регулярным периодическим вспышкам гнева, когда и переписка, и секретарь сначала попадали в адские руки Е.П.Б., и в конце концов был достигнут своего рода компромисс.

Тогда я ворчал, но теперь радуюсь, потому что за короткое время я узнал то, на что в противном случае у меня ушли бы долгие годы. Но мне казалось, и до сих пор кажется, что я был слишком суров с её корреспондентами, если только во многих случаях не приходилось отвечать дураку в соответствии с его глупостью — а я был полезным дураком для ответной стороны дела.

Но, как бы то ни было, это убедило меня полностью и определенно, что кем бы еще Е.П.Б. ни была, она не была мошенницей - ей нечего было скрывать; для женщины, которая, согласно основной гипотезе отчета SPR, имела сообщников по всему миру и жила жизнью коварной авантюристки, было бы не только невероятно безрассудно, но и определенно безумно позволить всей своей частной переписке попасть в руки третьей стороны, и это тоже, даже предварительно не открыв ее сама.

Все это и многое другое доказало мне, что Е.П.Б., безусловно, не была мошенницей и обманщицей, определенно не тогда, когда я ее знал; и, по всей вероятности, не была ею в прошлом, когда я ее не знал. Однако в одном я уверен: я знаю гораздо больше о ее жизни и работе, чем те члены Общества психических исследований, которые упорно делали все возможное, чтобы опозорить ее перед миром, и что их гипотез смехотворно недостаточно, чтобы разгадать этого сфинкса девятнадцатого века, Е.П.Блаватскую, которая была, по самым скромным подсчетам, не только столь же интересна, как дюжина таких-то и таких-то миссис, на которых Общество психических исследований потратило столько энергии, но которая, кроме того, была главным средством открытия множества окон в величие вещей, ни одно из которых не будет закрыто снова, поскольку жизненный труд величайшего из ее хулителей в Обществе психических исследований все больше и больше подтверждает ее собственные утверждения.

«Вы верите в Е.П.Б.?» *Да; я верю в Е.П.Б. Что касается Е.П.Блаватской, я не более высокого мнения о ней, чем сама Е.П.Б., поскольку она строго различала их; но я с презрением отвергаю нелепую попытку объяснить даже Е.П.Блаватскую, называя ее обманщицей и обычным шарлатаном. Я твердо верю в bona fides Е.П.Б.; но превыше всего я верю всей душой в великие дела, за которые она боролась, в глубокие Тайны, о которых она дала вести. Однако я хотел бы всегда иметь возможность, если я могу, излагать их по-своему, и, если я могу, поддерживать их по-своему, поскольку я часто не согласен с методами Е.П.Б. и с ее манерой.*

Она была полна несовершенств, как и все мы, но она — когда она касалась высоты, это была огромная высота. Временами в Е.П.Б. было что-то колоссальное, титаническое, даже космическое; действительно, у меня иногда возникало, по-видимому, причудливое представление, что она не принадлежит этой планете, не вписывается в эту эволюцию. Но, в самом деле, кто разгадает загадку Е.П.Б.? Чего она не касалась временами? Множественная личность в контакте с множественными личностями — столь же сложными, возможно, как вся природа человека, по крайней мере в миниатюре!

Я делаю поверхностному критику безусловный подарок в виде неисправного аппарата ее спорных сочинений - хотя это, возможно, несколько слишком щедрый подарок во всех случаях. Она не была ученым, не получила образования в школе, колледже или университете; не была ученым, вероятно, никогда в жизни не была свидетельницей лабораторного эксперимента; она не была математиком, (2) не была формальным философом школ, не смогла бы, скорее всего, рассказать вам о разнице между позициями Канта и Шопенгауэра, если бы вы ее спросили - и тем не менее она писала обо всем этом, и часто с величайшей проницательностью.

Из всего этого я делаю подарок критику; я классифицирую все это как в основном эфемерное, как то, что в значительной степени пройдет, как то, что в некоторой степени уже прошло, поскольку наука значительно выросла в последние годы и теперь отрицает многое из того, что она отрицала, и утверждает многое из того, что она утверждала двадцать лет назад. Но гигантская хватка всей схемы вещей, титанический размах предполагаемых мировых процессов, циклопическое нагромождение гипотез на гипотезы, пока ее гипотетические Оссы и Пелионы не достигли небес, и небес, — свежая атмосфера жизни и реальности, которой она окружала свои великие изложения, — все это я требую для ее непреходящей репутации. Она была титаном среди смертных; она указала путь мне и многим другим, и именно поэтому мы ее любим. Излагая путь, который она указала, мы знаем, что она не лгала относительно направления. Наш титан был стихийным, как, впрочем, и все титаны; но при закладке фундамента необходимы великаны, а великаны, когда они приходят в движение, не могут не опрокинуть идолов в святилищах гномов.

Позвольте мне тогда поговорить о предмете, в котором я, по-видимому, знаю столько же, сколько даже самый прилежный критик работ Е.П.Б. — ее литературные останки. Я внимательно прочитал все, что она написала; большую часть я отредактировал, часть я прочитал много-много раз. Я думаю, что могу сказать без всякого неуместного хвастовства, что никто не знает лучше меня книги, из которых она цитирует, и как она использует цитаты. Она была, действительно, более или менее средневековой, или даже, временами, раннехристианской, в своей работе с цитатами; давайте полностью согласимся с этим во всех отношениях - хотя, возможно, мы немного склонны заходить в этом слишком далеко в наши дни. Но то, что меня больше всего интересовало в ее творчестве, это именно то, что она не цитирует из известных источников, и именно это является для меня главным фактором в загадке Е.П.Б.

Я постоянно задаю себе вопрос: откуда она получила свою информацию — кажущиеся переводы текстов и комментарии, оригиналы которых неизвестны западному миру?

Около десяти лет назад или больше покойный профессор Макс Мюллер, которому все любители Священных Книг Востока так глубоко обязаны, опубликовал свой самый поучительный набор Гиффордских Лекций под названием «Теософия или Психологическая Религия». Я подробно рассмотрел их в серии из трех статей в этом ОБЗОРЕ. Пожилой Профессор написал мне любезную записку по этому поводу, возражая против одного или двух пунктов, и мы обменялись несколькими письмами.

Затем он выразил удивление тем, что я трачу впустую, как он думал, то, что он был достаточно любезен, чтобы назвать моими способностями на «теософию», когда передо мной лежала целая область востоковедения, в которой он был достаточно любезен, чтобы думать, что я мог бы сделать полезную работу. Больше всего он был озадачен, пытаясь понять, почему я отношусь серьезно к этой шарлатанке, мадам. Блаватская, которая нанесла так много вреда делу подлинных востоковедения своими пародиями на буддизм и веданту, которые она смешала с западными идеями. Вся ее теософия была переделкой неправильно понятых переводов санскритских и палийских текстов.

На это я ответил, что поскольку у меня нет цели служить ничему, кроме дела Истины, то если он сможет убедить меня, что теософия мадам Блаватской была всего лишь ловкой или невежественной манипуляцией санскритскими и палийскими текстами, я сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать эти факты известными теософскому миру; поскольку я, естественно, не хотел тратить свою жизнь на «мошенничество» — эпитет, который он однажды использовал по отношению к эзотерическому буддизму на Восточном конгрессе. Поэтому я попросил его быть столь любезным и указать, какие, по его мнению, были оригинальные тексты на санскрите или пали, или любом другом языке, на которых были основаны либо «Станцы Дзиан» и комментарии к ним в «Тайной Доктрине», либо любой из трех трактатов, содержащихся в «Голосе Безмолвия». Я сам годами искал какие-либо следы оригиналов или фрагментов, напоминающих их, и до сих пор ничего не нашел. Если бы мы могли получить оригиналы, мы не просили бы ничего лучшего; это был тот материал, который нам был нужен.

На это профессор Макс Мюллер ответил в короткой записке, указав на два стиха в «Голосе Безмолвия», которые, по его словам, были вполне западными по мысли и, следовательно, выдавали их не подлинность.

Я ответил, что мне очень жаль, что он не указал тексты, на которых основывалось какое-либо предложение «Заповедей» или какая-либо Станца «Книги Дзиан»; Тем не менее, я хотел бы опубликовать его критику, оставив за собой право прокомментировать ее.

На это профессор Макс Мюллер поспешно ответил, что он умоляет меня не делать этого, но что я должен немедленно вернуть его письмо, так как он хотел написать что-то более достойное «R». ПРОСМОТРЕЯ, конечно, вернул ему письмо, но с того дня и по сей день жду обещанного доказательства того, что Е.П.Б. в этих чудесных литературных творениях был всего лишь жалким центонистом, который из обрывков непонятых переводов состряпал фантастическую пеструю одежду для дураков. И я могу добавить, что предложение по-прежнему открыто для любого востоковеда, который желает подтвердить, на мой взгляд, нелепое утверждение покойного Нестора ориентализма.

Я намеренно называю эти отрывки, вошедшие в её произведения, чудесными литературными творениями, но не с точки зрения энтузиаста, ничего не знающего о восточной литературе, великих космогонических системах прошлого или теософии мировых религий, а как зрелое суждение человека, который в течение двадцати лет изучал именно эти темы. Также нельзя с уверенностью утверждать, что «Станцы» и комментарии к ним, а также фрагменты из так называемой «Книги золотых наставлений» в достаточной мере соответствуют текстам спиритических медиумов; они отличаются от них и принадлежат к другому классу передачи информации.

В «Стансах» изложены космогония и антропогенез, которые по своей широте и детализации намного превосходят все существующие записи о подобных вещах из прошлого; их нельзя объяснить, как умелое соединение разрозненных архаичных фрагментов, сохранившихся в священных книгах и трудах античных авторов; они обладают собственной индивидуальностью, и в то же время в них есть отпечаток древности и свидетельство экономики, которая, по мнению западного мира, давно исчезла. Кроме того, они погружены в атмосферу комментариев, которые, по-видимому, были переведены или перефразированы с дальневосточных языков, что создаёт общее впечатление подлинности, которое трудно преодолеть учёному, достаточно преодолевшему свои первоначальные предубеждения, чтобы изучать их.

Что касается «Фрагментов», которые претендуют на то, чтобы быть трактатами мистической буддийской школы, то они тоже несут на себе все признаки подлинности, даже в своей еретической природе и в самопризнании своего сектантского характера. Гораздо труднее поверить в то, что они являются подделками, порождёнными западным умом, чем в то, что они являются если не дословными переводами, то, по крайней мере, свободными версиями подлинных документов, возможно, проповедей школы Ариясанга для учеников на Пути.

Почти без исключения я обнаруживаю, что люди, которые громко осуждают Е.П.Б., на вопрос «Вы читали эти вещи?» отвечают: «О, я правда не могу заставить себя читать то, что написала эта женщина; она была самозванкой»; или: «Нет, я не читал эти вещи; и в любом случае я не востоковед, но профессор Макс Мюллер в «Девятнадцатом веке», и т. д., и т. п.

Всё это скорее говорит в пользу Е.П.Б., чем против неё, потому что должно быть что-то почти сверхчеловеческое в той, кто может вызвать такое слепое предубеждение у в остальном здравомыслящих людей.

Загадка Е.П.Б., которую не может разгадать ни один доклад или тысяча таких докладов, наряду со многими другими загадками, ставит перед нами предварительный вопрос: откуда у Е.П.Б. взялись все эти вещи? Какова самая простая гипотеза, объясняющая всё это? Если вы скажете, что она была спиритической медиумом, то вам придётся значительно расширить значение этого термина, превратив его в обозначение высокого достоинства и вознеся его на высоты возвышенного гения. Я убеждён, что ничто меньшее не удовлетворит непредвзятого исследователя.

Я перепробовал все гипотезы, все возможные комбинации гипотез, о которых я слышал или которые я придумал, чтобы объяснить эти поистине великие вещи в литературной деятельности Е.П.Б., и я осмелюсь сказать, что единственное объяснение, которое хоть как-то претендует на то, чтобы выдержать натиск доказательств, заключается в том, что эти вещи были продиктованы ей или внушены ей психически живыми учителями и друзьями, большинство из которых она знала лично. Это правда, что, как она сама говорила и как было сказано через неё, она иногда сильно запутывалась, но она изо всех сил старалась делать всё возможное в самых сложных обстоятельствах.

Действительно, один из самых интересных фактов во всей этой истории заключается в том, что она сама была в таком же восторге от красоты этих учений и поражалась широте концепций, как и все остальные. Если бы она сама их придумала, часто говорила она, то была бы гением, Мастером, а не несовершенной служанкой, которая просто заявила, что есть истинные Мастера, которым можно служить. Она могла отрицать всё остальное, но этого она никогда не отрицала. Несомненно, она многое искажала, что-то неправильно расслышала, что-то передала неточно, потому что она всегда была очень больна и измучена, подвергалась непрекращающимся нападениям, предательству и неблагодарности, а также была от природы очень вспыльчивой и темпераментной. Всё это делает ещё более удивительным тот факт, что было достигнуто так много, а не то, что не было сделано ещё больше.

Таким образом, использованные силы должны были быть очень велики, что, возможно, является серьёзным намёком на то, что может быть достигнуто на Западе, если это будет сочтено необходимым, и абсолютным отходом от общепринятых условий созерцательной жизни как средства просветления.

Е.П.Б. была воином, а не жрицей, пророчицей, а не провидицей; более того, она была тем, чего от неё меньше всего ожидаешь, — инструментом, возвращающим память о многом из того, что было самым святым и мудрым в древности. Она действительно была живым символом кажущейся глупости этого мира, в которой проглядывала мудрость. В этом воплощении, я уверен, я больше никогда не взгляну на неё так, как раньше; только она давала мне ощущение, что я общаюсь с кем-то колоссальным, титаническим, временами почти космическим. Иногда я задавался вопросом, принадлежит ли это странное существо вообще к нашему человечеству — и всё же она была очень человеческой, милой. Сбежала ли она с какой-то другой планеты, так сказать? Принадлежала ли она изначально к их эволюции? Кто знает?

Ни один из нас, кто знал её и любил, не может дать однозначного ответа на все эти вопросы; она остаётся нашим сфинксом, нашей загадкой, нашей горячо любимой Старой Леди. Она не была учительницей в обычном понимании этого слова, потому что не представляла себе, что можно преподавать упорядоченно или систематически; более того, она ненавидела саму мысль о том, что её можно считать духовным или нравственным учителем, громко протестовала против этого, утверждала, что меньше всего подходит для такой должности. Нет, она была лучше, чем кто-либо из официальных наставников, потому что она была как бы естественным огнём, который разжигал энтузиазм перед лицом великой мировой жизни, чудесным стимулом, который помогал справиться с проблемами самопознания, чудесным источником тоски по возвращению, настоящей певицей, поющей о доме; временами она была всем этим, а временами усиливала смятение.

Прошло около тринадцати лет с тех пор, как Е.П.Б. покинула свое измученное болью тело, и все же так или иначе, с каждым годом мои нежные воспоминания о ней только усиливаются, и я всегда оглядываюсь на нее и ее работу в поисках вдохновения, чтобы возродить чувство величия и великодушия, и ту свежую атмосферу свободы от условностей, которая означала весну, и рост, и разрыв связей, и выделение сока, и сворачивание гор, когда молодые побеги пробиваются из своих крошечных горчичных зерен и стряхивают кучи земли со своих плеч. В ней была мужественная жизнь, широта взглядов, быстрая приспособляемость, отсутствие ханжества и пиетизма, товарищеская жизнь, как в те далёкие времена, когда кровь бурлила в жилах, а мышцы напрягались, готовясь к тяжёлым испытаниям и продвижению в неизведанные земли.

Но почему я, не будучи поклонницей героев, позволяю себе с таким энтузиазмом писать о своей «оккультной свекрови», как она с юмором себя называла? Я не знаю, кроме того, что это «Бродячие мысли о теософии», и мои мысли нередко обращаются к той, кто направила меня на этот путь, и что, написав о ней, я пробудил в себе более глубокие чувства, чем намеревался, поскольку моей главной целью было привести к предложению о Дне Белого Лотоса, которое уже было принято президентом-основателем на последнем общем собрании Общества. Однако эта статья была написана до того, как я получил отчёт об этом совещании, и когда я уже написал следующее:

С течением времени, 8го мая, в день её ухода из тела, многие собрания теософов отмечают годовщину смерти Е.П. Блаватской. В память о Е.П.Б., и мы называем этот день Днём Белого Лотоса, хотя я не знаю, почему именно так. Возможно, было бы лучше последовать примеру платоников и выбрать её день рождения для сохранения памяти о ней в зелёных тонах; но как бы то ни было, её друзья никогда не задумывали этот день как день скорби — и, по правде говоря, я не думаю, что кто-то так его воспринимает, и я уверен, что сама Е.П.Б. возмутилась бы при виде такой нелепости. Я думаю, она бы точно так же воспротивилась любой попытке превратить такое собрание в повод для пиетизма или поклонения героям. На самом деле, я не знаю никого, кто бы так же сильно, как она, ненавидел любые попытки поклонения себе как духовному учителю. Я слышал, как она в искреннем испуге вскрикнула, когда один восторженный поклонник попытался преклонить перед ней колени. Но хотела бы Е.П.Б. сохранить этот день для себя и, таким образом, положить начало идее создания своего рода календаря теософских «святых» и добавить к 8му мая множество других дат ухода выдающихся коллег? Я думаю, что нет; я почему-то никогда не могла убедить себя в том, что Н.Р.В. может одобрить День Белого Лотоса в том виде, в каком он есть. Но поскольку он всё-таки существует, я бы предположил, что его полезность можно значительно повысить, если отмечать его как день, в который мы вспоминаем всех наших известных коллег, покинувших этот мир, — не только Е. П. Б., хотя она в первую очередь, но и Т. Суббу Роу, У. К. Джаджа, хотя он и совершил тяжкое преступление, Пита Меулемана из Голландии и многих других. Давайте сделаем этот день временем сохранения памяти о звеньях цепи, днём создания истории тех, кого пока ещё сравнительно немного, но кто вскоре станет подавляющим большинством нашего Теософского общества. День Белого Лотоса, если хотите, но также и День памяти.

В то же время наш президент-основатель урегулировал все эти вопросы в Адьяре, и теперь это предложение стало реальностью. Но на данный момент достаточно этих отвлечённых мыслей о Е.П.Б.

Примечания

(1) Когда некоторые из её злейших врагов нападали на неё — мужчины и женщины, которые раньше изливали ей душу, — она объясняла мне: «Боже! Как же они должны меня уважать! Они знали, что я не использую их признания против них».

(2) Действительно, её любимой привычкой было считать по пальцам. Однажды, когда она работала над главой «Тайной доктрины», она позвала свою племянницу в свою комнату и обратилась к ней примерно так: «Вот, дорогая, ты математический гений; куда ставится запятая?» Я уверен в цифрах, но не понимаю, откуда взялась эта проклятая запятая. Это была величина круговой меры двух прямых углов, и любой, кто читал научное исследование по этому вопросу в «Тайной доктрине», будет несколько озадачен тем фактом, что автор так плохо разбирался в математике, что перепутал десятичную точку с запятой!